

СЕКС ИЛИ БОМБА?

/А.Адамович. Последняя пастораль, "Новый мир", № 3, 1987/

I. ПИСЬМО К ЛЮБИМОМУ

с. Лебяжье,
Идринский р-н,
Красноярский
край

Любимый!

Ты спрашиваешь, чем я занимаюсь в своей добровольной ссылке, читаю ли толстые журналы и не отважусь ли вдруг на рецензию? А почему бы и нет, тем более, что тоска в провинции чеховская, беспроектная, да и погода подкачала, дождь, слякоть, я раздражена, вымотана до предела. Самое "то" для рецензии. Только учти, что бойка я разве что в устной речи, да и то с тобой наедине, а на бумаге усыхаю и тупею, — не моя стихия! Что до идей, то какие могут быть в наше время идеи? Или так: у кого их сейчас нет? Единственная надежда на Никифора Борисыча, я тебе о нем писала — местный книголюб и вообще светлая голова. У него в Ленинграде, оказывается, есть троюродный племянник В.Абросимов, ученый и литератор, которого ты наверняка знаешь, велел ему кланяться. Несколько вечеров подряд Нота-Бене /мое заглазное прозвище Никифора Борисыча за неумеренное пользование этим словом/ пересказывал грандиозные романы своего племянника "Структуры любви" и "Шрам от харакири", и когда я на днях напала на "Последнюю пастораль" Адамовича, то была поражена обилием внутренних и внешних совпадений. То ли авторы знакомы, то ли умы у них устроены на один манер, то ли витают в воздухе какие-то духовные вирусы, которые они улавливают? Конечно, интереснее поговорить о творчестве Абросимова, но, увы, романов его нет под рукой, к тому же, по словам Нота-Бене, они неисчерпаемы по объему и идеям, так что придется довольствоваться "Пасторалью". Но и Абросимов, если доберусь в ближайшие годы до Ленинграда, от меня не уйдет!

27 июля 87 г.

Целую, как всегда, горячо,
твоя Ч.

P. S. Только не надейся, что я буду оформлять рецензии в статьи!
Будь доволен письмами и делай с ними, что хочешь.

2. АБРОСИМОВ-АДАМОВИЧ: ВИРУСЫ, ВИТАЮЩИЕ В НЕБЕ

Нота-Бене, знаток десятка языков в пределах десятилетки, как-то незабываемо усмотрел в латинском "вирусе" мужчину; с усами — добавлю от себя. Так вот за последние годы эти вирусы-мужички, небожители и инопланетяне, идейные труженики, столь густо засеяли ниву отечественной культуры своими семенами, что куда ни поверни — всюду они, не Адамович, так Абросимов! В их мощне есть, кажется, всё, о чем способен помыслить наш культурный современник /а то и больше!/: близящийся конец мира, новые мутанты, борьба за чистоту природы, свободная эротика, числовая мистика, лингвистические архетипы, островная утопия, культ женщины, дельфины, глядящие на солнце... Возможна ли такая предустановленная гармония двух умов, такое сродство душ? Или некие предваряющие призраки бродят среди нас, нашептывая пароли будущего, разбрасывая идейные вирусы? Нота-Бене, конечно, ни в какую гармонию не верит и списывает все на чтение одних книг, особый упор делая почему-то на "Мифах народов мира". Так-то оно так, и все-таки...

3. РОМАН-ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ? РОМАН-НАСЛАЖДЕНИЕ?

"Последняя пастораль" Адамовича исполнена в жанре романа-предостережения и в очередной раз указывает неразумному человечеству на опасность милитаристской гонки и тяготы ядерной зимы. Но это лежит на самой поверхности и вряд ли представляет особую ценность — в той же Америке из романов и фильмов-предостережений небоскребы строят. Вот почему я подчеркиваю в "Последней пасторали" не первое слово, а последнее, и предлагаю увидеть в ней не эсхатологию, а любовную историю на фоне эсхатологии, более того — эротическую пропаганду. В противоборстве Эрос-Арес Адамович выступает на стороне миролюбивых сил, за что и получил уже нагоняй от нач.полит.управления Волкогонова: не смей пропагандировать среди личного армейского состава пацифистские идеи! Что ж, озабоченность Волкогонова готовностью воинов к войне понятна, против нее не попрешь, но и писателю-пацифисту как возразить?

Личное мужество Адамовича, вступившего в публичную полемику с "ястребом" по поводу своих миротворческих бесед на борту атомной подводной лодки, вызывает сугубое уважение, и ^{повторяю,} ~~однако же~~ последний акт ядерного суицида в "Пасторали" с апокалиптической сверткой земли и неба, я восприняла лишь как экзотическую, приглушающую обидительность цензора, канву для расшитых по ней эротических узоров. Я, собственно, не против эротики, и немало ее в своей жизни перечитала и перевидала — просто меня коробит это

секретничанье о вещах глубоких, неизбежных и неизбежных. Конечно, я, со своим по-женски обостренным вниманием ко всему, что дает, а не отнимает жизнь, могу заблуждаться, но отказываться от этих заблуждений не собираюсь. /Я даже поссорилась с Нота-Бене, который упрекнул меня за "чисто-женские" крайности, соглашательски полагая что в "Пасторали." всего понемногу — эсхатологии и рая, войны и любви, предупреждения и наслаждения/. А ведь Арес лишь по видимости пожирает Эроса, в действительности же служит ему легким покровом, отдернув который мы обнаруживаем его живым и невредимым!

4. ДНЕВНИК ЛЮБВИ

Несмотря на явную склонность Адамовича к мифологии, написать идеальную пастораль с архетипическими Адамом и Евой ему не удалось — подводит слишком личная подоплека пасторали. Место Адама и Евы в ней заступают некие Адамович и Евинская, с их вызывающими раздражение глупостями, слабостями и капризами, в которых, если верить автору, особо преуспевает женская половина. Воспитанному на реализме читателю эти "личные черточки" конечно же понравятся, так как лишний раз убедят его, что все описанное было "на самом деле", а не придумано себе на забаву скучающим и прихотливым литератором.

Мне же личные и бытовые привязки /особенно "психология" Евы, написанная размахистой, но туповатой мужской кистью/ только мешали; из райского блаженства слишком назойливо и грубо выпирают какие-то интимные авторские штучки, превращая повесть из произведения искусства в психоаналитический дневник, который наверняка ещё порадует застарелого фрейдиста. Все эти пасторальные неканья и меканья Евы, идиотские страхи Адама перед собственной импотенцией и потенцией негров, трусоватое похотение группового секса, вся эта смесь сентиментальности и высокопарности... ф! /Словно Адамович нарядил себя и свою подругу в райские одежды, а они оказались им не по росту/. Но, повторяю, именно это и может понравиться массовой публике, которая живет в атмосфере сходного террора, страха и неудовлетворенных половых желаний. Что ж, первый блин — комом; есть надежда, что Адамович, выплеснув из себя замшелые комплексы и сублимации, напишет со временем вполне приличную пастораль. /Нота-Бене с особой силой возражал мне, заявляя, что пастораль и буколики предполагают несчастную любовь, и потому нелепо требовать от автора нарушения законов жанра, да и вообще что-либо требовать от него, ибо автор — свободная птица и летает, где хочет, тем более, что в европейской традиции литература о счастье вообще нонсенс. И не заметил, что противоречит себе, когда гово-

рил одновременно о птице и нонсенсе!//

Так или иначе, Адамович сгибает эротику в бараний рог и превращает свободную и могучую стихию во что-то мелкотравчатое, с посюсюкваниями и похижикиваниями. Писатель не сумел избежать цензора в собственной душе /а тем более в редакции "Нового мира"/, вот и пришлось, изголяясь и изощряясь, плести мелкие узоры. Что, как нередко бывает, душе пошло во вред, а литературе на пользу.

5. ИЗОБРЕТЕНИЯ: СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ПРИЁМ?

С этого и следовало, вероятно, начать — именно литературная изобретательность Адамовича привлекла меня к его повести, заставила довольно высоко оценить ее, послужила поводом к рецензии. Чего стоит хотя бы само название:

ПОСЛЕДНЯЯ ПАСТОРАЛЬ

- эта щемящая мини-элегия, исполненная смысловой и звуковой пульсации и сравнимая с лучшими образцами отечественной лирики!

В писательском почерке Адамовича есть замечательная особенность, которую, возможно, он осознает не до конца и которую я рискну назвать ситуативным письмом: писатель вводит и использует нужные ему в данной ситуации вещи, понятия и символы, а когда нужда в них исчезает, отбрасывает прочь, забывает, растворяет в небытии. В результате герои и вещи начинают пульсировать в пространстве повествования, и это придает "Пасторали" характер сновидения, сближает с миром магии, фокусов и волшебной сказки. Когда эротическая ситуация потребовала символических червей, они тут же в изобилии появились /причем автор "честно" описал, как они падают с неба, как их толкут перед едой/, но стоило ситуации завершиться, как про червей напрочь забыто, и герои переходят на рыбную диету. То же самое с пожом, который отсутствует в мирной ситуации, но немедленно появляется, когда возникает нужда расправиться с одолевающими цветами — вещи ведут себя как реквизит и бутафория, которые оживают в руках фокусника или жонглера и вновь превращаются в его отсутствии в мертвый груз.

Ситуативное письмо позволяет автору не особенно считаться с реальностью, оставлять без внимания непрерывность, устойчивость и целостность вещей и персонажей, и тем самым сближает его с дискретным, прерывистым миром авангардистской литературы. Несоответствия, сдвиги, скачки резко нарушают реализм изображения, и вряд ли писатель делает это по простому недосмотру или небрежности. Какая-то цель у него есть, быть может продемонстрировать таким образом фантазмагоричность происходящего, если угодно, его еще непроизшедшего, "вирту-

альность", умственную возможность. Не исключено, что вся повесть — лишь мгновенная вспышка в сознании погибающего командира атомной субмарины или в предсознании трех столкнувшихся субатомных частиц, берущих свое начало, как и герои "Пасторали" в воде, воздухе и земле /подводная лодка, самолет, бункер/ и заставляющих вспомнить забытый всеми миф о соперничестве Посейдона и Зевса из-за Персефоны.

6. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН

Но если ситуативное письмо относится к творческой манере Адамовича /или ее фрагментам/, то по своим жанровым особенностям "Пастораль" — интеллектуальный или идеологический роман, главная задача которого — порождать новые идеи и идеологии и доносить их до читателя. В этом жанре написаны романы В.Абросимова, повести И.Адамацкого, "Ахамия" Я.Азумлева. Герои идеологического романа /чаще, герой/ не просто существуют, но живут насыщенной умственной жизнью и большую часть времени проводят в пропаганде своей идеологии и обычно неудачном воплощении ее в жизнь /последнее вообще не обязательно/. Однако пропаганда предполагает слушателя и соперника, и так как Ева из "Пасторали" явно не справляется с ролью идейного спарринг-партнера /справедливо усматривая в любой идеологии источник распри и посылая её подальше/, то автору приходится вызвать из небытия фигуру необходимого соперника, чтобы с кем вести ученые беседы, а для большей экономности сделать его и соперником в любви.

Имея своей главной целью порождение новых идей и помещая их в мысленное виртуальное пространство, идеологический роман самодостаточные предметы реалистического изображения превращает во вспомогательное средство: они лишь наглядные пособия, которые, подобно таблицам и картам, можно развернуть, показать, свернуть, заменить другими. При таком подходе вещи и герои утрачивают, как и в ситуативном письме, свою устойчивость и реальность и становятся лишь одной из возможностей, наряду с другими возможностями.

Главным героем в идеологическом романе оказывается авторский разум /точнее — авторская воля/, способный порождать новые точки зрения на мир и новые идеологии, не столько, впрочем, из-за страстной любви к многообразию, сколько из-за неспособности привязаться к единому. Автор идеологического романа не просто создает — идеи, героев, вещи, ситуации — но постоянно подчеркивает, что способен лишить их жизни, что без него они — нестойкие

иллюзии, лишенные собственной меры инертности, что только его присутствие удерживает их в этом мире — на грани призрачности, распада, умственной блажи, "мыльных пузырей". /Так многие воспринимают творчество Набокова, не обнаружив у него массивной мебели и любви к эксплуатируемым рабочим; и я не ошиблась, когда вопреки мнению Нота-Бене, подчеркнула близость "Пасторали" в литературном авангарду/.

"Виртуальные вещи" — даже не подпорки для монологической речи автора, а ее проявление, форма самообнаружения, подобно тому как ветер обнаруживает себя в шелесте листьев и бегущих облаках. Отсюда нередкое безразличие автора идеологического романа к вопросам "литературной отделки": он всегда готов заменить одни декорации на другие, сводя их к роли необязательного антуража, лишь бы остаться при собственном уме и собственной воле, а по возможности — насадить их читателю. Отсюда же его торопливость и "чисто русская" /вставка Нота-Бене/ безалаберность: тяп-ляп, только бы побыстрее сколотить временку и не утратить самое "главное" — идею! Собственно литература оказывается при этом служанкой идеологии, как в случае соц.реализма, и если вообще не исчезает под напором интеллектуального схематизма, то превращается из традиционного объекта незаинтересованного /т.е. эстетического/ созерцания в директивные планы и технические указания.

Идеологический роман безразличен к эстетическому, и если склоняется порой к прекрасному или ужасному, то подобно уличной женщине или грабителю, которая обольщает /который запугивает/ одинокого прохожего, чтобы опустошить его кошелек. На авангардистскую литературу эти рассуждения, естественно, не распространяются.

7. ПОБЕДА ИЛИ ПОРАЖЕНИЕ?

Тяга к идеологическому роману обычна у внутренних эмигрантов, обреченных годами писать в стол, или у официальных авторов, лишенных цензурой возможности публично и до конца высказать свои заветные мысли. У таких писателей накапливаются настоящие авгиевы конюшни идей, и когда шлагбаумы наконец открываются, и огни зажигают, они вываливают всё их содержимое на ошарашенного читателя. Возможно, именно это случилось с Адамовичем: вряд ли его эротические и политические взгляды были им раскрыты в сочинениях о партизанах и блокаде /которые я, признаюсь, не читала/, но при первой же возможности он поспешил высказаться устами героя по животрепещущим вопросам ядерной гонки, разрядки, соревнования двух сверх-держав и двух идеологий и т.п.

Идейный стержень повести Адамовича — отказ от военного конфликта, даже ценой поражения собственного государства, только бы не допустить тотальную гибель человечества. Адам Адамовича — человек, дошедший до предела /"Дальше так продолжаться не может!" / в своем неприятии мира, дошедшего до предела в военной гонке, и уже потому — человек крайностей: пессимист и пораженец. И однако же он ошибается в своем пессимизме: "еще не вечер", предел далеко не достигнут, имеются новые импульсы для военно-технического прогресса, вроде метеорологического или парасихологического оружия, так что вставляющий палки в колеса военной машины обречен на двойное непонимание и оскорбление: и суровый солдат /Волконов / и нежная женщина /Она / не принимают его пораженчество как идею и оценивают её носителя с точки зрения "мужской" этики и "женской" эстетики: хлюпик, баба, размазня, импотент...

8. МИФЫ НАРОДОВ МИРА

Изучение современной советской литературы находится в сильнейшей зависимости от анализа книжных влияний, которым она сознательно поддается — от латиноамериканского романа и концептуализма до структурализма и научных исследований по мифологии /особо почетное место здесь занимает энциклопедия "Мифы народов мира" /. Отстающее по сравнению с наукой положение художественной литературы прискорбно, но характерно и по-своему удивительно для литературы, которая, отыскивая идеологическое основание вне себя, по инерции продолжает претендовать на роль такого основания. Все больше писателей увлекаются оприходыванием научных новинок и популяризацией статей из научно-популярных журналов, занимаясь, таким образом, двойной популяризацией. Такое арьергардное /или промежуточное, в зависимости от точки зрения / положение литературы, играющей роль шестерни в передаче идей от гегемона к массам — не ново, переменился лишь маховик: Леви-Стросс вместо Маркса. В связи с чем вновь выплывает давнишний вопрос: возможно ли в России существование художественной литературы как самостоятельной единицы, и если возможно, что это такое?

В рамках мифа утверждение тождественного проводится в литературе простым перечислением вереницы подобных фигур и явлений, переведенных в разные "коды". Так, "любимый" и "любимая", произносимые в "Пасторали" на многих языках, мотивируется не реальной полигlossией героев, а центральным авторским мифом: Я и Она = Адам и Ева = Всечеловек и Всеженщина, и на эти две спицы нанизывается все человечество, все языки. Надо ли повторять, что ни Он, ни Она не справляются с ролью мифологических героев, и вся ситуа-

ция воспринимается как неудачная, но по своему трогательная претензия автора придать своим личным проекциям статус общечеловеческих. Адамовичу попросту недостает духовного опыта, отсюда и неудачи с построением мифологии на основе легковесной случайности. Автор "Пасторали" — не глубокий психолог или метафизик, подобно Достоевскому или Платонову, выявляющий архетипические черты в человеке или народе, а сочинитель, довольно поверхностно влюбленный в себя и ближайшее окружение, и усилием воли придающий им статус мифа. Но именно это и порождает — по словам моего помощника Нота-Бене, — "волюнтаризм и сектантство", борьбу за престижное место под солнцем мифа, стремление любой ценой войти в миф.

Новая советская литература — плод новой волны грамотности, прокатившейся на наших глазах и беспощадно обрушившейся на писателей — в каком-то изуверском самоослеплении отказывается заниматься ^{чисто} литературными задачами и лишает себя авангардного положения в деле исследования взаимоотношений мира, человека и языка.

9. СНОВА ЭРОТИКА?

Пройдя огонь политики и воду злободневности, советская ~~литература~~ ^{литература} каким-то образом избежала эротических труб, ожидать которых при нарастании новонэповских настроений, осталось недолго. Как можно предвидеть, эротика станет очередным камнем раздора в извечной баталии западников и националистов: первые объявят себя поборниками психического здоровья трудящихся на почве Камасутры, вторые обвинят первых в порнографии и развращении народа, испокон веков стыдящегося телесного обнажения. /как считает Нота-Бене, по причине комарья и сильных морозов/.

Конечно, эротическая тема позволяет целый спектр трактовок: от мягкой "Пасторали" /одна из первых птах в приближающейся стае/ до жестокого порно. За неимением текста "Пасторали" под руками напóню лишь перечислительно — фаллический червь, вызывающий к себе слишком нежное отношение Евы, спермопокрытые грибы-цветы, затаившееся вытаскивание Евы из лаза пещеры — остальное читатель доищет сам.

10. СНОВА ВОЙНА?

Нынешняя либерализация советского общества, вполне естественно, отыскивает свои корни в "оттепели" 60-х годов и возвращает из забвения безнадежно старомодных героев, книги и идеи. Солдат

афганской войны спешит к ветерану войны вьетнамской и подхватывает из его слабеющих рук боевое знамя с лозунгом "Занимайтесь любовью, а не войной!" Однако прошедшие 20-30 лет — тоже не шутка, со счетов их не сбросить: вроде бы, и бес в ребро, да какая любовь в предпенсионном возрасте? Не та, явно не та! Люди устают воевать, устают и любить; важно понять, какого рода усталость преобладает в обществе, какую главу эпопеи "Война и мир" разворачивает человечество. "Пастораль" призывает к любви и миру, и этот призыв, размноженный миллионным тиражом "Нового мира", будет, конечно, услышан. Но окажется ли он действенным? Вот вопрос, требующий особого рассмотрения.